

УДК 1/14

**ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

М. В. Яруш

*Аспирант,
Институт высшего образования,
Национальная академия
педагогических наук Украины,
г. Киев, Украина*

PERSONALITY IN THE VALUES OF INFORMATION SOCIETY

M. V. Yarush

*Postgraduate student,
Institute of Higher Education, National Academy
of Pedagogical Sciences of Ukraine,
Kyiv, Ukraine*

Summary. The article emphasizes that the present stage of civilization development is characterized as information society, forming a new system of values. Having considered the information and information flows not only as an integral part of modern life, but also a fundamental value for self-realization. Analyzed loneliness as a major personality traits, existing in the space of flows and timeless time that created the informational age. As a result of the examination of information, as a qualitatively new values justified becoming nomadic personality, for which the journey, nomadism becomes a way of everyday life.

Keywords: information society; personality; information; loneliness; nomad; nomadic personality.

В контексте понимания современности как эпохи глобального перехода становятся понятными процессы разрушения устоявшихся порядков и структур, обрывания «корней», атомизации и индивидуализации в обществе, хаотизации процессов и спонтанных флуктуаций. Перечисленные явления влекут за собой самоорганизацию новых локальных порядков, характеризующихся нестойкостью и новыми прорывами нелинейной турбулентности и «растеканием» неопределённости по разным сетям.

Так называемый «лёгкий капитализм» представляет собой нелёгкие процессы глобализации и становление информационализма (М. Кастельс) как нового способа развития цивилизации.

Всё большее значение приобретает необходимость в изменении жизни под влиянием условий нового, информационного общества, порождающего «вневременное время», системные пертурбации в порядке следования явлений. Речь идёт об изменении во времени технологических процессов, о сжатии временного промежутка между событиями, нацеленными на линейность и случайный разрыв в последовательности.

Подобные характеристики развития постиндустриального периода ци-

визации требует переосмысления системы ценностей как неотъемлемой составляющей личности и её самоактуализации в обществе.

По утверждению А. Печчеи, «если мы хотим обуздать техническую революцию и направить человечество к достойному его будущему, то нам необходимо, прежде всего, подумать об изменении самого человека, о революции в самом человеке» [9, с. 95]. Именно изменения внутри человека, в его сознании, структуре морально-этических императивов составляют проблему современности.

На всех этапах становления и развития философии, психологии, одним из важных объектов изучения являлись ценности личности. Осознание и осмысление теоретического фундамента проблемы ценностей человеческого бытия выводятся на первый план научного познания. В исследованиях XX века ценностные ориентации личности представляют собой своеобразный итог большинства передовых идей.

Изучению личности и её изменениям в условиях информационного общества посвящены научные труды философов, психологов, социологов (А. Адлер, А. Бард, Ж. Делез, П. Жанет, М. Кастельс, А. Маслоу, Х. Отрега-и

Госсет, А. Печчеи, З. Фрейд, Е. Фромм, М. Фуко, К. Юнг, Я. Зодерквист и др.). Свой вклад в исследование различных аспектов информационного общества внесли и российские учёные Р. Абдеев, И. Алексеева, И. Васильева, Н. Ершова, Д. Иванов, Е. Карпов, В. Лихоман, Н. Моисеев, А. Ракитов, А. Фридланд, И. Фридланд, А. Чернов и др.

Личности как социальному существу, природе человеческой субъективности и смыслу её существования посвящены работы российских и украинских учёных: И. Ватина, Ю. Волкова, А. Ковалева, С. Левицкого, М. Мамардашвили, Т. Базылевич, О. Артемовой, В. Андрущенко, О. Гомилко, Л. Горбуновой, Н. Кочубей, С. Куцепал, И. Предборской, С. Пролеева, И. Степаненко и др.

В глобализирующемся мире, где информация приобретает особенное место в жизни общества, и человека, актуальными остаются вопросы о том, какие черты приобретает современная личность, какими ценностями она наделяется.

Цель статьи – изучить изменения процессов формирования личности под влиянием информации, как главного продукта информационного общества и одной из его основополагающих ценностей.

Время информационных технологий ставит личность в качественно новую ситуацию ответственности за переосмысление и сохранение морально-духовных ценностей общества. Современное общество, ощутившее себя в информационном бытии, вносит колоссальные перемены в систему основных ценностей и ориентиров образа жизни.

Научные взгляды на личность в системе ценностей информационного общества можно разделить на две группы. Исследователи первой группы отмечает природную склонность личности быть активной участницей информационных взаимодействий, что влечёт за собой определённый характер и результат влияния информационных потоков на всю систему мотиваций, потребностей, ценностей. Исследователи второй группы говорят о конце человека как субъекта,

формировании тела без органов, что «растворяет» личность в мире виртуальной реальности, нивелирует нравственное начало.

При разности интенций, обе интерпретации имеют, как ни парадоксально, внутреннюю общность. Она состоит в том, что активное участие в информационной среде, самополагание в ней, не может осуществляться по формам и способам классической субъективности. С другой стороны, эффект деперсонализации в виртуальной реальности не исключает, а предполагает высокую степень самостоятельности, ибо каждый лично определяет своё участие и присутствие в глобальной сети. В любом случае острым вопросом остаётся радикальный пересмотр системы ценностей, которые ещё недавно казались незыблемы.

Главную ценность информационного общества составляют *информация и связанные с ней информационные потоки*, одновременно являющиеся основой для существования коммуникаций различных категорий: начиная от простых печатных и аудиовизуальных средств массовой информации, заканчивая супертехнологиями нового тысячелетия.

Информация приобретает неизмеримо большую ценность, чем когда-либо. Новая цивилизация, по мнению Э. Тоффлера, перестроит систему образования и научных исследований, а кроме того, реорганизует средства массовой информации [10]. В свою очередь, Э. Фромм отмечал, что средства массовой информации лишают личность способности составить целостную картину мира, подменяют её мозаикой из массы разрозненных и несвязанных между собой фактов [6, с. 15–20]. Это приводит не только к подавлению способности к критическим суждениям, но и действует угнетающе на эмоциональную сферу человека.

Так, М. Кастельс утверждает, что «цифровая технология позволила пакетировать все виды сообщений, включая звук, изображения и данные, образовалась сеть, способная передавать все виды символов, не пользуясь контрольными центрами. Универсаль-

ность цифрового языка и чистая сетевая логика коммуникационной системы создали технологические условия для глобальной горизонтальной коммуникации. Кроме того, архитектура этой сетевой технологии такова, что её очень трудно цензурировать или контролировать. Единственный способ контролировать сеть – это оставаться вне её, а когда сеть становится всеобъемлющей и направляет по миру все виды информации, никто не может этого сделать» [5].

Таким образом, наше современное общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки выступают не просто одним из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни. Само общество вследствие этого предстаёт не столько чёткой структурой с устоявшимися элементами, системой отношений и ролей, сколько подвижной констелляцией взаимодействий. Не случайно для определения его современной специфики всё чаще используют образ сети.

В своём сущностном значении сеть предстаёт не системой, не организацией в точном смысле этих слов, а ситуативной конфигурацией, детерриториализованным, хотя артикулированным хаосом, потенцией. Сеть – это абсолютная, но «беспредметная» свобода, которая в сетях обретает признаки сингулярной, номадической свободы, без имени собственного. Humans как non-humans, т. е. аналогичная свободе любых других элементов сети, постчеловеческая. Самостоятельный человек, как цель, а не средство – наследие допотопной, доинформационно-новационной, дотрансгуманистической эры [7, с. 81].

Местная концентрация информации вытекает из высокого уровня неопределённости, подгоняемой технологическими изменениями, демассовизацией, дерегулированием и глобализацией рынков.

Информационное пространство предстаёт в форме «реальной вир-

туальности», определяемой М. Кастельсом «как система, в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир. Мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передаётся опыт, но люди сами становятся опытом» [5].

Это, в свою очередь, развивает характерную болезнь личности – «*дефицит эго*» (П. Жанет) – её неспособность справиться с действительностью, впитать её и найти в ней собственное место. Социальная реальность воспринимается личностью как субстанция, протекающая сквозь пальцы и ускользающая от понимания. Она плохо различима, бессмысленна, неустойчива, неуловима. Суть человеческой природы и основа для реализации личности – социальные отношения – нуждаются в пересмотре, ведь они могут существовать только у реальной виртуальности.

В результате возникает *умственная депрессия* – ощущение своего бессилия, неспособности действовать, и в особенности неспособности действовать рационально, адекватно отвечая на жизненные вызовы, – становится характерным недугом переживаемого нами периода информатизации. И это не боязнь не приспособления, а неспособность приспособиться. Не ужас, вызываемый нарушением запретов, а террор полной свободы. Не требования, превышающие возможности личности, а беспорядочные действия в напрасных поисках надёжного и непрерывного пути [3, с. 55].

Таким образом, в результате пребывания личности в постоянных информационных потоках, находящихся во «вневременном времени», возникает *одиночество*, как основная черта современной личности. Можно сказать, что одиночество является фундаментальным экзистенциальным следствием из существования индивида в современной информационной среде.

Причём одиночество это весьма парадоксальное – личность оказывается наедине со всем миром, одиночество

посреди океана контактов и информационных потоков. Всё становится доступным, каждый может оказаться в любой точке виртуального пространства – всё видеть и везде побывать, – но в то же время его собственная достоверность остаётся условной. Одиночество здесь – это, прежде всего, невозможность удостовериться себя и связать себя с другими прочными жизненными узлами. Личность превращается в ник, ей можно приписать что угодно, и в то же время практически невозможно установить, кем является этот человек на самом деле. Ещё сложнее в системе виртуальных контактов разрешить вопрос «Зачем мы друг другу?» вне специфической сценографии электронных пространств.

Попробуем далее раскрыть специфику этого нового, виртуального одиночества, используя разработку понятия одиночества как в его классическом экзистенциалистском варианте, так и современных версиях. При этом особое значение будет иметь такой аспект, как *одиночество-неслиянность*.

Одиночество, согласно Х. Ортеги-и-Гассету, представляется феноменом, укоренённым в самом способе бытия личности. По мнению испанского философа, одиночество не означает «быть одному – единственному», – как раз единственность не имеет ничего общего с одиночеством. Понятие одиночества предполагает, что «я» существую в мире. Что мир – это минералы, растения, животные, другие люди. И «я» должен налаживать отношения со всем этим, искать согласованности своего существования с другими существованиями, искать единства, но не такого, какое возникает у двух жидкостей, слитых в один сосуд, а единства принципиально неслиянных существований.

Кроме того, Х. Ортега-и-Гассет подчёркивает, что «тело, в которое вживлено, в котором замкнуто мое «я», неизбежно превращает меня в существо пространственное». В то же время человек может изменить место нахождения, но, где бы он ни находился, это будет так называемое «моё здесь». Повидимому, «здесь и я», «я и здесь» связаны на всю жизнь [8, с. 288]. И только

с точки зрения такого «здесь» человек может воспринимать мир и обретает перспективу, проявляющуюся в том, что всё в мире становится близким или далеким, правым или левым, верхним или нижним относительно «здесь».

Наши «здесь» взаимоисключающи, непроницаемы друг для друга, различны, поэтому наши миры никогда не могут совпасть полностью, что и является причиной изначального одиночества.

В этом случае, индивидуальность возникает здесь как событие, происходящее здесь-и-теперь, а не как «предмет», состоящий из материи и формы. Изложенное обосновывает возникновение гладкого пространства кочевников как пространства минимальных расстояний: однородными являются только бесконечно близкие точки. Это пространство контакта, индивидуальных событий контакта, пространство, скорее, тактильное, чем визуальное, в противоположность расчерченному пространству Эвклида. Такое пространство можно эксплуатировать, только путешествуя по нему [4].

Как отмечает З. Бауман, «некоторым для того, чтобы путешествовать, незачем даже выходить из дома: можно просто порхать по Интернету, вызывая и совмещая на компьютерном экране сообщения со всех концов света. Но большинство из нас движется, даже если физически, телесно мы остаёмся на месте» [3, с. 112].

М. Кагель использует понятие «архитектура наготы», что ещё раз подчёркивает одиночество в пространстве потоков. Оно определяется как «архитектура, которая кажется наиболее заряженной значениями в обществах, сформированных логикой пространства потоков, т. е. архитектура, формы которой так нейтральны, так чисты, так прозрачны, что даже не претендуют на то, чтобы что-нибудь сказать» [5]. Теперь личность, растворившись в пространстве, направлена на поиск необходимой информации для удовлетворения определённых информационно-коммуникативных потребностей (познавательных, образовательных и т. д.), становясь при этом также определённым источником информации.

Казалось бы, что в мире разнообразных возможностей каждая личность неповторима, но с другой стороны, происходит так называемая «духовная атомизация», когда человек чувствует себя очень одиноко, что отображается в некоторой деградации его моральной стороны. Компьютерные и телекоммуникационные технологии часто сужают круг личных, «живых» контактов и делают отношения между людьми отчуждёнными.

Реймонд Берглоу проводит сравнение между классическими снами, описанными в трудах Фрейда, и снами его собственных пациентов в ультратехнизированной среде: «Образ головы... и позади неё подвешена компьютерная клавиатура... Я – эта запрограммированная голова!» Это чувство абсолютного одиночества ново в сравнении с классическим фрейдистским представлением: «Сновидцы... выражают чувство одиночества, переживаемое как экзистенциальное и неизбежное, встроенное в структуру мира... Полностью изолированное «Я» кажется безвозвратно потерянным для себя» [5]. Таким образом, налицо поиск новой системы связей, построенной вокруг разделяемой, реконструированной идентичности.

Такие связи конституируются в сетях и трансформируют социальных индивидов в путешественников, бродяг и туристов. Они теряют укоренённость в сложившихся социальных структурах, а вместе с ней и утрачивают традиционные способы идентификации. В условиях информационных потоков и глобализационных процессов индивид становится «номадом» («кочевником»). Его подвижность в социальной структуре гарантируется отсутствием субстанциализированной идентичности как основного качества существования.

Передовые технологии создадут новые виды изделий и товаров, которые предоставят гражданам недостижимые прежде возможности, этот процесс будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье. Такой факт объясняет формирование номадической личности, выбирающей кочевой образ жизни в мире реальной виртуальности.

Согласно Ж. Аттали, новые предметы, которые он называет номадическими (кочевыми), так как все они – небольшого размера, изменят в будущем взаимоотношения во всём спектре современной жизни [1]. И прежде всего они изменят отношение человека к самому себе. Средства связи для современного кочевника-номада становятся всё более простыми и удобными в обращении.

Номадическая личность преодолевает чувство пространства и границ, связанных с ним, теперь человек освобождён от «привязки» к определённому месту, впервые у человека не будет адреса.

Кочевые предметы, вторгаясь в нашу жизнь, несут целую вселенную товаров, которые, на первый взгляд, находятся в полном беспорядке и не связаны друг с другом. Но на самом деле они объединены одним направляющим принципом: все они созданы для манипуляции информацией – образами, формами, звуками. Причём делают это на громадных скоростях, трансформируют услуги, оказываемые людьми друг другу, в предметы, одновременно полезные и портативные, производимые в ходе индустриального процесса.

Ответом на информатизацию деятельности личности служит появление и дальнейшее развитие номадических технологий в области здравоохранения и образования, которые до этого являлись одними из основных личностных ценностей. Так, в здравоохранении они смогут оказывать помощь в производстве медицинских «самонаблюдательных» аппаратов при их использовании пациентами, в образовании – позволят детям самостоятельно приобрести те знания, которые сегодня предоставляются целой системой научно-учебных учреждений.

Кочевой человек будет учиться в любом возрасте, глядя на экран и рассматривая те образы, которыми он сам будет манипулировать, подчиняясь необходимости получения информации, стремлению быть в курсе всего того, что происходит в мире, в этой эфемерной череде трагедий и комедий.

А. Бард и Я. Зодерквист говорят о виртуальной массовой миграции,

которая описана американским социологом Марком Печем как миграция к «границе познания», что ознаменовала начало колонизации нового мира, который был в буквальном смысле неограничен. Бесконечный поток всё новых и неизведанных виртуальных территорий ждёт кочевников, путешествие не должно кончаться [2].

Путешествуя в пространстве, индивид осознаёт «отсутствие» собственной идентичности, обнаруживает её беспредельность. Эта ситуация выражается присвоением статуса «космополитичности» как поливалентности социального существования (мультикультурализма), тогда индивид становится «субъектом-номадом». Его подвижность более не требует обязательного перемещения в физическом пространстве, ему достаточно существования в имманентном пространстве мышления, или в пространстве виртуальности. «Открытая» идентичность позволяет как бы «протаскивать» сквозь «пустое» место индивида любую идентичность, а значит и любое качество социальной системы.

Как подчёркивает Ж. Делез, человек-субъект превращается в сингулярность, некую доиндивидуальную, хотя и выделяемую из тотальности бытия единицу. Она безлична, но не пропадает в его «бездне». Это артикулированное, свободно перемещающееся в (по) «языковой реальности» образование – номад. Оно не обременено субстратностью, оно (она) кочует, где хочет. Продолжая эти утверждения, Ж. Делез говорит о том, что «сингулярности отнюдь не заточены безысходно в индивидуальностях и личностях; не проваливаются они и в недифференцированное основание, в бездонную глубину, когда распадаются индивидуальность и личность. Безличное и доиндивидуальное – это свободные номадические сингулярности» [7, с. 77].

Итак, активность личности в информационном пространстве влияет на формирование иного способа мышления, с помощью которого личность трансформируется в мыслящего субъекта-номада. Он выписывает социальный текст, гарантируя присутствие в нём смысла, обнаруживая собствен-

ное существование. Другими словами, субъект-номад, обращённый к самому себе, существует в совместности собственного существования, самоопределяясь в структурах социального текста как сети, который выписывается на границе, соединяющей знак и смысл, обретая полноту субъективности.

Никто из нас ещё до конца не приспособился ни психологически, ни функционально к изменившемуся миру и новому положению в нём человека. Суть проблемы, о которой пишет А. Печеи, «как раз и заключается в несоответствии между созданной человеком действительностью и тем, как он её воспринимает и как учитывает в своём поведении» [9].

Исходя из изложенного выше, можно утверждать, что информационное общество формирует новую систему ценностей. Она открывает новые возможности для развития личности в условиях информационных технологий и по сути другой созданной ими реальности. Такие ценности информационного общества находятся в определённой закономерности и взаимосвязи между собой: технологические изменения выводят информацию на новый уровень смысловых ориентаций.

Сегодня человек живёт ради получения информации и соответствующего её использования, она становится благом для реализации личности. Такая позиция связывается с приобретением личностью дополнительной свободы, которая даёт возможность выбирать что угодно, не зависимо от пространственного нахождения субъекта и времени.

Библиографический список

1. Аттали Жак. На пороге нового тысячелетия. URL: <http://kob.su/content/na-poroghie-povogho-tysiachielietia-zhak-attali>.
2. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / пер. с англ. В. Мипучкова. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001. – 416 с.
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии. URL: <http://hoster.metod.ru:8082/prometa/lib/13>.

5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php.
6. Курносов И. Н. Информационное общество и глобальные информационные сети: вопросы государственной политики // Информационное общество. – 1998. – № 6. – С. 1520.
7. Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров. – СПб. : Алетейя, 2009. – 264 с. – (Сер. «Тела мысли»).
8. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства: эссе о литературе и искусстве: сб.; пер. с исп. – М. : Радуга, 1991. – 639 с. (и др. работы).
9. Печчеи А. Человеческие качества. – М. : Прогресс, 1985. – 312 с.
10. Тоффлер Э. Третья волна. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Toffler/_Index.php.
3. Bauman Z. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obschestva. – М. : Ves Mir, 2004. – 188 s.
4. Delyoz Zh., Gvattari F. Traktat o nomadologii. URL: <http://hoster.metod.ru:8082/prometa/lib/13>.
5. Kastels M. Informatsionnaya epoha: ekonomika, obschestvo i kultura. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php.
6. Kurnosov I. N. Informatsionnoe obschestvo i globalnyie informatsionnyie seti: voprosyi gosudarstvennoy politiki // Informatsionnoe obschestvo. – 1998. – № 6. – S. 1520.
7. Kutyirev V. A. Chelovecheskoe i inoe: borba mirov. – SPb. : Aleteyya, 2009. – 264 s. – (Ser. «Tela myisli»).
8. Ortega-i-Gasset X. Degumanizatsiya iskusstva: esse o literature i iskusstve : sb.; per. s isp. – М. : Raduga, 1991. – 639 s. (i dr. raboty).
9. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. – М. : Progress, 1985. – 312 s.
10. Toffler E. Tretya volna. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Toffler/_Index.ph.

Bibliograficheskiy spisok

© Яруш М. В., 2014.